

Хаким

Михаил Будалов

Михаил Будалов

Хаким

<https://litres.ru/74039443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Талантливейший лекарь Хаким, «ветер пустыни», исцеляет безнадежных. Но ему мало лечить тела — он жаждет переписывать судьбы. После разрыва с учителем Алимом Хаким отправляется в пустыню за запретным знанием. Таинственный старик приводит его к Книге Жизни.

Хаким получает власть изменить любую страницу — включая свою. Но за вмешательство в предначертанное приходится платить. «Хаким» — это история о гордыне и искуплении, о границах могущества. Рассказ раскрывает происхождение камня, проверяющего чувства, — ключа ко всей тетралогии.

Восточная притча о лекаре, который хотел стать богом, но стал вечным стражем маяка между светом и тьмой.

Содержание

1. Фонарь	4
2. Ветер и вода	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Будалов

Хаким

«Трещина в стене — это место, откуда проникает свет».

— Джалаладдин Руми

«Красная пустыня не знает жалости. Но она знает цену».

1. Фонарь

Красная пустыня не знает жалости. Песок здесь цвета ржавчины — той, что разъедает забытый клинок за сотню лет без дождя. Хаким идёт. Плащ его отяжелел от пыли, края обтрёпаны.

Только он знает: здесь время течёт иначе. Для него — дни. Для мира — часы. Каждый его шаг растягивается на сутки, но за гранью пустыни солнце едва сдвигается с места. Такова дорога к башне: она отмеряет путь не расстоянием, а плотностью бытия.

Ветер несёт колючие песчинки — они бьют в лицо, оставляют царапины, которые заживают за ночь и открываются снова на рассвете. Хаким не закрывает лица. Он привык. Он делал этот путь много раз.

Сотни. Тысячи.

Башню видно с любой точки пустыни. Но видит её только Хаким. Для других здесь только небо и песок, и горизонт, который дрожит в мареве, насмехаясь над путником. Башня стоит одиноко, тонкая, как игла, которой Вселенная шьёт лоскутное одеяло миров.

Хаким идёт к ней. Не ускоряя шага. Не замедляя.

Он подходит к подножию. Двери нет — только проём. Чёрный. Прямоугольный.

Хаким входит.

Внутри — полумрак. Но не тот, что бывает в пещерах, давящий, душающий. Здесь полумрак спокойный, терпеливый, как вода в колодце, куда веками не бросали ведро.

Ступени начинаются сразу. Каменные. Гладкие. Стёртые. Не временем.

Сотнями лет его собственных шагов.

Хаким поднимается. Мерно. Ступень — выдох. Ступень — вдох. Только звук подошв о камень. Только шорох пропылённого плаща. И где-то далеко внизу — постепенно затихает эхо скрипа песка, который он принёс с собой на подошвах.

Лестница уходит вверх. Бесконечно. Нет — Хаким знает, сколько ступеней. Тысяча триста семь. Однажды он посчитал.

Он выходит на верхнюю площадку.

Ветер здесь сильнее. И звучит иначе — тоньше, будто струна, которую натянули слишком туго. Хаким достаёт из сумки латунный фонарь. Тусклый металл, мутное стекло. Неказистый. Но верный.

Подвешивает его на крюк, вбитый в камень. Крюк обычный, старый, ржавый. Сотню, нет — тысячу лет назад он вбил его сам.

Ритуал привычен.

Фитиль. Масло. Огонь.

Но сегодня Хаким медлит.

Он достаёт из лекарской сумки маленький пузырёк с водой. Обычной водой, которой разбавлял снадобья. Прозрачной. Чуть прохладной.

Хаким откупоривает пузырёк и выливает воду в масло.

Жидкости смешиваются. Масло мутнеет, становится молочным — как глаза слепца.

Хаким подносит огонь.

Фитиль шипит. Плюётся искрами. Свет получается неровный, дрожащий, с синеватым отливом.

Пахнет гарью.

Хаким стоит и ждёт.

Он нарушил ритуал. И знает это.

Тишина становится глубже — такой, как на дне океана,

куда не доходит ни один звук с поверхности.

Воздух меняется — становится влажным, тяжёлым. На камнях парашета проступают капли испарины. Мелкие. Прозрачные. Пахнут солью.

Дальней. Морской. Невозможной для красной пустыни.

Хаким не оборачивается.

— А, это ты, мой друг, Бади. — он произнёс это тихо, буднично.

Хаким знал: Бади — марид, высший джинн, древний и своенравный. С ним всегда следовало быть осторожным.

Ответа нет.

Только сильнее веет солёной водой. Только капли на парашете собираются в лужицы, стекают по камню, падают вниз — в пустоту, в песок, который никогда не узнает вкуса моря.

Хаким чувствует: на него смотрят.

Не в спину. Сквозь.

Сквозь чапан, сквозь кожу, сквозь кости.

— Я знал, что ты за мной следишь, — говорит Хаким. — Давно тебя не видел. — Он делает паузу, смотрит на синеватое пламя.

Влажность сгущается, становится почти осязаемой. Мешает дыханию.

И тогда — голос.

Он возникает не снаружи. Не из ветра, не из камня, не из солёных капель. Он возникает внутри. Глубинный, как то море, что лежит за тысячи фарсахов отсюда.

— Ты нарушил ритуал, — говорит голос. Без вопроса. Без укора. — Зачем?

Хаким не вздрагивает. Он ждал этого.

— Чтобы ты услышал меня, — отвечает он.

Влажность становится мягче. И дышать стало легче.

— Мне нужна помощь, — говорит Хаким.

И не дожидаясь ответа — согласия или отказа — достаёт из сумки хумчу.

Глиняный сосуд. Небольшой. Простой — без узоров, без ручек. Такую лепят для воды, которую пьют в дороге.

— В Хиве заболел мальчик, — говорит он.

Воздух колеблется. Синеватое пламя фонаря вытягивается, становится острее.

— Родители и младший брат страдают от горя. Я должен помочь, — продолжает Хаким. — Я перепробовал всё, что знал, но ничего не помогло.

Он посмотрел на свою сумку.

— Я подозреваю, что болезнь послана. Кем-то из духов. Или даже кем-то из богов.

Он замолкает.

Ветер на вершине башни стихает совсем. Тонкая струна перестаёт вибрировать. Только влажность. Только соль на камнях.

— Мне нужно лекарство, — твёрдо говорит Хаким.

Он не просит. Он утверждает.

Воздух снова колеблется.

Хаким ждёт — с хумчой в руках, смотрит на фонарь, который горит синим, неправильным светом.

Тишина сгущается. Влажность вновь становится почти непереносимой, она забирается под чапан, липнет к коже.

И тогда воздух качнулся.

Голос Бади звучит как прилив, который невозможно остановить:

— Я наполню твой сосуд. Но слушай, Хаким, моё условие.

Хумча в руках тяжелеет. Хаким опускает взгляд — жидкость поднимается из ниоткуда, тёмная, мерцающая, тягучая, как смола. Заполняет сосуд до краёв и замирает.

Голос продолжает:

— Если старший брат выберет яркую жизнь — она будет короткой. Если выберет долгую — она будет полна скорби и болезней. Но какую бы он ни выбрал — другая достанется брату. Одна судьба на двоих.

Хаким задумался.

Он понимает, как это скажется на братьях, как тяжело им будет делать выбор. Но он молчит. Он знает: с джиннами бесполезно спорить, особенно с маридами, — они не уступят. А если Хаким потребует убрать условие — хумча опустеет, а мальчик в Хиве умрёт к утру.

И Хаким склоняет голову. Молча. Тяжело. Как принимают нож, который не успели отвести.

Он затягивает ремни на сумке, прячет хумчу. Фонарь горит — пусть неправильным светом, но пока Хаким не чувствует гнева богов. Значит, этого им достаточно.

Хаким уходит, оставив фонарь гореть на крюке. Хаким знает, что перед рассветом он вновь окажется в его сумке —

холодный, пустой, ожидающий масла и огня. И Хаким снова пойдёт по красному песку. И снова зажжёт его. Так дважды в сутки. Каждые сутки. Тысячу лет.

Он поворачивается к ступеням.

— Я запомню твоё условие, — говорит он тихо. В его голосе нет благодарности, но и нет проклятия.

Ветер на вершине башни всё ещё молчит. Влажность уходит, оставляя на камнях соляной налёт — как высохшие слёзы.

Хаким спускается.

Ступени вниз. Тысяча триста семь. Они кажутся длиннее, чем вверх. Он не считает. Он просто идёт — в красную пустыню, к Хиве, к постели умирающего мальчика.

Время сжимается.

Для мира — несколько часов. Для Хакима — долгая дорога, на которой можно забыть всё, кроме одного: выбора, который он несёт братьям.

Он идёт.

Каждый шаг отдавался тихим шорохом песка. Красный, бесконечный. Хумча за пазухой тяжелеет с каждым шагом — или это просто усталость?

Хаким не знает. Он знает другое: дорога длинная, а мысли сами сворачивают не туда.

Не в Хиву. Не к постели умирающего.

В Бухару.

Он вспоминает. Не сразу — сначала запахи, потом звуки.

Вот глиняные стены древнего города. Вот айван, на котором сидит старик с медленными руками. Вот его голос, тихий, как вода в арыке:

— Вода точит камень не силой, а постоянством.

Хаким идёт по красному песку, а перед глазами — другое.

Лицо. Учитель. Алим.

И он проваливается в воспоминание.

2. Ветер и вода

В древней Бухаре, среди глиняных стен и белых минаретов, жил лекарь. Молодой. Горячий. Его звали Хаким.

Он лечил не так, как другие. Другие табибы подолгу щупали набз, разводили руками, бормотали заклинания. Хаким входил в комнату больного — и через час тот пил чай. Не потому, что болезни были лёгкими. Потому что он не боялся.

Сложные случаи притягивали его, как вода притягивает караваны. Те, от кого отказались, — выздоравливали. Те, кого уже «похоронили», — выходили из дома на своих ногах.

За скорость и неудержимость его прозвали «ветром пустыни».

Имя Хакима повторяли в чайханах Магриба, в банях Хорезма, на базарах Хивы. Говорили, что он может поставить на ноги мертвеца. Говорили, что сам Иблис боится его рук. Хакиму было не до слухов. Он работал.

Но у каждого ветра есть начало. У Хакима был учитель.

Старый Алим сидел на айване с утра до вечера, перетирал коренья, заваривал отвары. Его руки двигались медленно, но ни одна капля не падала мимо. Он никогда не спешил. Если к нему приводили умирающего, Алим сначала выпивал чашку

зелёного чая, потом спрашивал имя, потом долго молчал. И только потом — начинал думать.

Его называли «водой».

За терпение. За глубину. За то, что он не боялся ждать, когда время само вылечит то, что не могут вылечить травы.

Алим учил Хакима всему, что знал сам. Набзу — искусству чтения пульса. Травам, которые лечат и убивают. Заговорами, которые работают, только если в них верить.

И главному правилу:

— Вода точит камень не силой, а постоянством. Не пытайся быть быстрее болезни — будь глубже неё.

Хаким кивал. Уважал. Слушал.

Но в глубине души считал: учитель слишком осторожен. Слишком медлителен. Слишком похож на воду, которая веками течёт в одном русле, когда можно прорыть новый канал за один день.

К ним на айван приходили самые тяжёлые больные. Те, кого не брались лечить другие.

Алим ставил диагноз. Долго. Медленно. Перебирал варианты, как чётки — одну бусину за другой.

Хаким действовал. Быстро. Решительно. Назначал отвары, которые Алим посчитал бы слишком сильными. Делал кровопускание там, где другой побоялся бы поцарапать ко-

жу.

И больные выздоравливали.

Их тандем казался идеальным. Вода и ветер. Глубина и скорость. Мудрость и отвага.

Но внутри, под гладью, накапливалось напряжение.

Хаким спорил. Всё чаще. Всё громче. Предлагал рискованные методы — и обижался, когда Алим их отвергал. Хотел идти дальше — и не понимал, почему учитель ставит преграды.

Алим молчал. Но вода терпит не вечно.

Хаким начал верить в то, что старые лекари всегда обходили стороной: можно лечить не тело — судьбу.

Он понял: тело лечится легко. Травы, надрезы, кровь. Но болезнь возвращается. Всегда возвращается. Потому что корень не в лихорадке и не в гное. Корень в самом человеке. В его привычках. В характере. В том, как он живёт, что ест, о чём думает.

— Если изменить судьбу пациента, — сказал Хаким однажды, — болезнь не вернётся никогда.

Он пришёл к Алиму с новой тетрадью. Исписанной мелким, торопливым почерком. Там были схемы. Не лечения — перестройки. Как сделать из труса храбреца. Из жадного — щедрого. Из того, кто болеет каждый месяц, — того, кто не

болеет вовсе.

— Я буду лечить не тела, — сказал Хаким. — Я буду лечить судьбы.

Алим долго молчал. Потом закрыл тетрадь.

— Ты хочешь стать не лекарем, — сказал он тихо. — Ты хочешь стать творцом. Но люди не глина в твоих руках. И судьба — не вывихнутый сустав, который можно вправить одним движением.

— А что тогда? — спросил Хаким.

— Судьба — это река, — ответил Алим. — Если перегородишь плотиной — вода уйдёт под землю. Или прорвёт плотину и смоев всё, что ты построил.

Хаким понял. Или не захотел понимать.

Случилось это через месяц.

Привезли купца. Богатого. Важного. С животом, распухшим, как бурдюк с вином. Алим сказал: вылечить нельзя. Только облегчить страдания. Хаким сказал: можно. Он взял нож. Алим преградил путь — рука на руку, глаза в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.